Автопортрет с тысячами нитей

Как в стародавнее время кручу на полу картонную юлу, любуясь тем, как она превращается в крохотную планету, на которой царит вечное лето. Небо, под которым я бегал с восторгом, сияет надо мною и ныне. Там живет мой друг Енхан, с которым мы копим деньги на зеркальные очки от солнца...
В тот длинный день мы играли найденными на чердаке японскими монетами в «чику», а после катались, вцепившись в кузов машины...
Потом Енхана не стало. Мне было странно кланяться ему так же, как я кланялся своим предкам в поминальные дни. Хотелось выйти в чистое поле и запустить в плачущее небо тысячу восторженных воздушных змеев, и с тысячами трепещущих на ладони разноцветных нитей бежать, бежать, чтобы не заплакать...

Зеркало

Однажды я случайно разбил зеркальце старшего брата. Ох, и досталось мне от него за это! Собирая осколки, я вдруг улыбнулся сквозь слезы, и рядом вспыхнуло целое созвездие моих улыбок!.. Так и собирал я веселые осколки, смеясь и плача, смеясь и плача…

Плач по Корее

В конце тридцатых годов прошлого столетия по городам Кореи возили несчастного двухголового мальчика. Мой старший брат с годовалым братиком на спине целый день бродил за повозкой по городу, забыв о том, что ему запрещали надолго уходить со двора...
Услышав от мамы эту историю, я спрятался на чердак и долго плакал там, в одиночестве и темноте. Быть может, тот несчастный ребенок — я?..
Мне жаль лошадку, которая везет меня, жаль скрипящую повозку, на которую меня посадили, как заморского зверька. Глядя в лица людей, я ищу у них сочувствия и понимания, а они смотрят на меня с любопытством, не ведая, что творят. Вдруг в людской толпе я замечаю отрока — своего брата, за спиной которого плачет малыш.

Боже мой, как я благодарен жизни за то, что он плачет, за то, что плачу я — тихо, как загнанный в угол случайно залетевший воробышек…
Спасибо Тебе, о Боже, за то, что ты создал нас умеющими плакать. В этот миг я полюбил весь род людской…
Куда укатилась та повозка? Где сейчас тот малыш, молча плачущий под синим куполом неба? Как часто мы бываем в жизни равнодушно глазеющей толпой, и как редко в нас плачет ребенок, из слез которого вырастает белый цветок.

Снега, небо и собаки

Снега, снега, глубокие сказочные сахалинские снега...
В безымянном доме возле японской печки, глядя в маленькое пространство, надышанное мною на завьюженном окне, я кувыркаюсь со своими любимыми собаками в безмятежно голубом небе с белыми сугробами облаков. Клубясь в звездной купели, еще до своего рождения на этой земле, я вместе с ними смеялся и тявкал...
Вглядываясь в их вечно влажные глаза, я блуждаю по закоулкам мерцающего пространства и плачу от горя и страха, видя, как мои соплеменники, по древнему обычаю, забивают несчастных собак для пиршества и разжигают первобытные костры. Но в бездонных собачьих душах нет места обиде и мести. Утешая меня, они навевают счастливые трогательные мгновения нашего общения на земле...
Мои милые собаки! Вы до сих пор гуляете в затерянных теплых переулках моей памяти. Следом за вами и я возвращаюсь в тот райский возраст, когда я еще понимал язык зверей, птиц и цветов. Снова, тайком от родителей, я сплю с вами, вдыхая ваш сладкий молочный запах…
Мой Белолобый, не звонарем ли ты стал в том сказочном мире, откуда мне улыбаешься? Я снова весело смеюсь, вспоминая твой заливистый лай. Так звонко не умеет лаять ни одна собака на свете...
А ты, пушистый черный Мухтар, не признававший собачью конуру? Ты всегда спал зимою в снегу. Однажды я выполз из дома после пурги и, утопая в сугробе, стал громко звать тебя, испугавшись, что ты задохнулся под снегом. Надо было видеть, с каким счастливым видом ты вылезал из-под снежной шапки, довольный тем, что смог меня напугать...
Алый, ты был самой настоящей любопытной Варварой! От твоей забавной мордочки можно было умереть со смеху! Помнишь, как ты заглядывал в наши окна, а однажды залез на забор и, как курица на насесте, стал с интересом наблюдать за шумными соседями в беседке? Подобные штуки ты выделывал до тех пор, пока, в конце концов, потеряв равновесие, не свалился в соседский огород, едва не задохнувшись от натянувшегося ошейника...
В тот страшный день я вернулся с лесной прогулки, и сестренка со слезами рассказала, что приходили дяденьки, которые на их глазах забили Алого. Младший брат Мен Дже от бессилия и ужаса кричал на них и плакал...
Да, мы были такие разные, хотя жили в одном городке, говорили на одном древнем языке, жили в похожих японских хибарах, грелись у одного костра в пещере, где нарисованы летящие вдаль бизоны...
О, сколько нужно нам, каждому из нас, выплакать в этом необъяснимом мире, озаряя друг друга счастливыми мгновениями, наполненными теплым мерцанием, чтобы приблизить тот рай, где все живое возлюбит друг друга!.. А этот путь так долог, и дай Бог каждому из нас пройти свой, пусть крохотный, отрезок на этой стезе…

Колыбельная

Слышу: из ночного тумана
птица летит…
Может, мама моя?
Скажи мне, о, ночь!

«Вот умру — стану птицей», —
мечтала она…
Может, мама летит?
Скажи мне, о, луна!

Узнаю этот плач —
так пела лишь мама
светлую песню свою
над колыбелью моей.

Жизнь моя — словно желтый
комочек-птенец…
И птица — летит, летит…
И птица — поет, поет...

Лебеди над Сахалином

Янечке

Не забуду вовек
тот клочок земли,
на котором мы увидели
в глубине небес
белых лебедей;
от их клекотов
сжимались наши сердца,
будто плакала,
пролетая над нами,
древняя, вечно юная Русь…

Нежность

...И все же, наверное, он есть:
за последней чертою сознания
Ребенок,
играющий среди песков
с маленьким круглым солнцем,
иначе
откуда
такая неистребимая нежность
к Миру?

Первый летний дождь

Ночью меня разбудил
первый летний дождь.
Он весело стучал по карнизу окна,
как пианист по клавишам,
лепеча о том —
какое счастье:
дарить до рассвета
миру пригоршнями
хрустальные переливы
отшумевшей весны...

Свидание

Сегодня моя невзрачная комната
превратится в Арбат:
я буду читать стихи,
петь под гитару,
рисовать.
На белый ватман прилетят
журавли, цветы, облака!..
Все они будут ждать,
когда ты постучишь
робко
в дверь…

Ожидание с голубями

1. В Южно-Сахалинске

Уходя, ты сказала:
«Не ходи за мной, как хвостик, —
иди, погуляй с голубями…»
И я, как ребенок,
радостно бегу к голубям,
и, хотя ты удаляешься,
мне светло:
твои волшебные слова
во мне мерцают
горсточкой солнечных зернышек,
рассыпанных на асфальте,
и я — воркую с голубями.

2. На Арбате

Я просто гуляю, как послушный мальчик, с сахалинскими голубями и случайно забрел на московский Арбат... Пора, пора мне возвратиться в Южно-Сахалинск: ты выйдешь из магазина и не найдешь меня средь голубей. Я спешу к тебе счастливый — как целая стая голубей, гордый — как целая армия мушкетеров!

Пастель

Когда ты рядом, я растворяюсь в пахучей вьюге волшебных ощущений, будто купаюсь в июльском поле и пью золотистый мед из сиреневого бутончика клевера или солнечных лепестков одуванчика, куда пчелы летят, восторженно гудя, за нектаром, веющим янтарным запахом лета моей лужайки, где бушует настой всех ветров — розовых, желтых, лазурных, белых, зеленых, где из каждого цветка вылетают бессмертные нимфы, где спишь ты, моя неуловимая девочка с запачканным пыльцою личиком, и я сквозь мерцающее время слышу твой колокольчиковый белый смех под гудящим небосводом, простирающимся над всеми сказками, мифами, снами, веками, пространствами, под гудящим небосводом, откуда сыплется пыльца небесной пастели, и ею ты вся пропахла, любимая…

Сахалинская зима

Когда самолеты не летают,
когда поезда не ходят
и закрыт паром
«Ванино — Холмск»,
я примчусь к тебе
по Татарскому проливу
на собачьих упряжках,
я примчусь к тебе
по Татарскому проливу
на оленьих упряжках,
я примчусь к тебе,
как отважный нивх,
влюбленный в девушку
с небесными глазами.
Большая медведица
обо мне позаботится.
Полярная звезда
укажет мне путь
к заветному дому,
где ты живешь,
меня ожидая,
считаешь секунды.

Вот затихнет пурга,
и воссияет солнце
в пастельном небе,
гудящем
над нашей судьбою,
озаренной любовью,
как северным сиянием.

Читая сиджо

О, поэты из средневековой Кореи,
не зря вас
Анна Андреевна Ахматова
нежно называла
«моими корейцами» —
ваш слог
классический, восточный
певуч,
волен
и в меру многословен,
что роднит
с белым русским стихосложением!